

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/55/15

**Е.В. Шахматова**

## **«ИНДИЯ-РУСЬ» Н. КЛЮЕВА КАК СИМВОЛ ВСЕЕДИНСТВА МИРА**

*Рассматриваются религиозно-философские взгляды Н. Ключева о единстве человечества, символом которого является «Индия-Русь». Миф об арктическом происхождении человечества базируется на его опыте хлыстовского мистицизма. Идеальная модель мира поэта близка философии основоположника русского космизма Н. Федорова. Принцип всеединства мира, заявленный русской философией и литературой рубежа XIX–XX вв., актуален и в наше время.*

*Ключевые слова: всеединство, русский космизм, мифотворчество, арктическая гипотеза.*

Николай Ключев, выходец из старообрядческой среды русского Севера, принес в поэзию глубокое понимание фольклорной традиции. Север, не подвергшийся татаро-монгольскому нашествию, сохранил образцы древнерусского деревянного зодчества, прикладного искусства, обряды, обычаи, старинные сказания, былины, язык. Север стал убежищем раскольников, бежавших от церковных реформ XVII в. Старообрядческая среда сберегла многие сюжеты, восходящие к древнейшим мифам и архетипам национальной культуры. Это в первую очередь относится к такому артефакту, как «Голубиная книга», которая содержала в себе глубинные знания об устройстве Вселенной. Исследователи соотносят ее название именно с глубиной содержащейся в ней информации о внебиблейском происхождении мира. Историк М.Л. Серяков убедительно доказывает, что языческий текст «Голубиной книги» сформировался «до времени окончательного сложения „Ригведы“ в качестве священного текста, т.е. до 6000–500 гг. до н.э.» [1. С. 397], когда предки русского народа входили в единую индоевропейскую общность. Индия становится одной из главных тем в литературе Серебряного века. Достаточно перечислить имена И. Анненского, Дм. Мережковского, Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, С. Городецкого, Н. Гумилёва, Вел. Хлебникова, О. Мандельштама.

Особый интерес к фольклору, к дохристианским, глубинным слоям некогда единой индоиранской общности был обусловлен поисками национальной идентичности. Индия воспринималась как прародина индоевропейской, в том числе русской, культуры. Эпоху Серебряного века в России называют периодом «исторически последнего Возрождения» [2. С. 150]. Русская культура рубежа XIX–XX вв. по аналогии с Ренессансом свою античность нашла в Индии, одновременно воскрешая миф о легендарной Гиперборее. На пересечении этих двух дискурсов, индийского и гиперборейского, возрос этнографический интерес к северным губерниям империи, не давшим исчезнуть традициям старины. И в том и в другом случае не обошлось без влияния Ф. Ницше. Если об арийских корнях европейской культуры возвестил его

Заратустра, то «Антихрист» повествовал о гиперборейях, обитавших некогда «...по ту сторону Севера, льда, смерти...» [3. С. 631]. Но и отечественная философская мысль имела, что сказать по этому поводу: Вл. Соловьёв в 20-летнем возрасте, увлекшись индийской философией, проштудировал «Ригведу», труды европейских ученых, философов и в своей работе «Мифологический процесс в древнем язычестве» [4. С. 17–36] высказал гипотезу, что «Ригведа» является поздним вариантом более раннего строгого монотеизма. Таким образом, Вл. Соловьёв сформулировал мысль о существовании некой пракультуры, которая лежит в основе современной цивилизации.

В жизнь Н. Клюева тема Индии вошла довольно рано. В поэме «Песнь о Великой Матери» будущий поэт описывает круг чтения, повлиявший на формирование его мировоззрения, и указывает, что к пятнадцатилетнему возрасту, он прочитал уже: «...список Вед, / Из Лхасы шелковую книгу / И гороскоп – Будды веригу» [5. С. 755–756]. К этому перечню следует добавить апокриф «Индийское Евангелие» [6. С. 30] о неизвестном периоде жизни Христа. Мать будущего поэта, обучавшая сына чтению, знала его наизусть. Позднее он писал о себе:

«Кто раз заглянул в ягеля моих глаз,  
В полесье ресниц и межбровья,  
Тот видел чертог, где берестяный Спас  
Лобзает шафранного Браму» [5. С. 495].

Среди наставников, пробудивших у него мечту о странствиях, Н. Клюев упоминает старца с Афона, который поведал ему «про дальние персидские земли, где серафимы с человеками брашно делят и – многие другие тайны бабидов и христов персидских, духовидцев, пророков и братьев Розы и Креста на Руси» [6. С. 33]. Поэт рассказывал о своих скитаниях по России и Востоку, что побывал в Персии и «до голубых китайских гор» [Там же. С. 43] дошел, общался с «разными мистическими сектами жаркой Индии» [7]. «Жизнь моя – тропа Батыева: от студеного Коневца (головы коня) до порфирного быка Сивы пролегла она» [6. С. 30], – утверждал он в автобиографической записи 1919 г.

Между различными старообрядческими общинами существовали постоянно поддерживаемые связи. Калики перехожие шли тайными путями от одного скита к другому и даже общались с легендарным Беловодьем. Н. Клюев вспоминал о китайских несторианах, «об Опоньском царстве, что на Белых Водах...» [Там же. С. 246]. Беловодье русское сознание отождествляло с земным раем. Его географическое положение было сакрально: существовало представление о том, что его следует искать на Крайнем Севере, народная молва предлагала исследовать также пещеры Алтая и другие далекие места – Тибет, Китай, Монголию, и даже Японию, откуда и появилось название – «Опоньское царство».

Индия для Клюева не является топонимом, обозначающим определенную страну: на олонецком наречии «инда» означает «вода», а «инди» – «в другом месте, в другой раз» [8. С. 31]. Индия для него повсюду, подобно «Индии духа» Н. Гумилёва, и путь в нее видится растекающимся из Беломорья в разных направлениях: «Дорога к нему с Соловков на Тибет» [5. С. 309]; «С Соловков на дремлющий Памир» [Там же. С. 346]; «С Соловков до жгучего Каира» [Там же. С. 408]; «С Соловков – на узорный Багдад...» [Там же. С. 447].

Исход народа с Севера устремляется на Ближний Восток, в Северную Африку (Египет), Индию и даже в Китай: «Русь течет к Великой пирамиде / В Вавилон, в сады Семирамиды» [5. С. 408]; «Индийская земля, Египет, Палестина» [7. С. 296]; «От Пудожа до Бомбея» [5. С. 410]; «Покумится Каргополь с Бомбеем» [Там же. 409]; «...у русского мальчика на губе / Китайское солнце горит» [Там же. С. 318]. Без сомнения, Н. Клюев, «посвященный от народа», воссоздает древнюю карту миграций из легендарной Гипербореи.

В Европе в XVIII в. рождается арктическая гипотеза происхождения человечества: французский астроном Жан-Сильвен Байи [9] поделился своими соображениями с Вольтером о том, что в Сибири существовала древняя цивилизация, созданная выходцами из Арктики. Позднее эту идею развивает Фабр д'Оливе [10] в своей всеобъемлющей философической истории (1822), а в 1880-е гг. А. Сент-Ив д'Альвейдр [11]. В 1885 г. появляется книга ректора Бостонского университета У.Ф. Уоррена «Найденный рай на Северном полюсе» [12]. В 1903 г. индийский мыслитель и политический деятель Б.Г. Тилак опубликовал книгу «Арктическая родина в Ведах» [13], в которой он сопоставил сказания Вед с астрономическими и геологическими данными науки и пришел к выводу, что описываемые явления могли наблюдаться на Северном полюсе. Эрудиция Н. Клюева позволяла ему на равных беседовать с профессорами университета. Он интересовался русской и иностранной философией, читал в подлиннике Я. Бёме и других западных мистиков, владел иностранными языками. К тому же быть поэтом Серебряного века и не проникнуться мистическим духом эпохи было невозможно.

В 1912 г. Н. Клюев сближается с «Цехом поэтов», одним из основателей которого был Н. Гумилёв, яркий представитель модернистского экзотизма и эзотеризма. Н. Клюев дает три стихотворения в первый номер журнала «Гиперборей». При отсутствии меценатов этот печатный рупор акмеизма просуществовал недолго, с октября 1912 по декабрь 1913 г. Но важен сам факт существования журнала, объединившего поэтов под эгидой гиперборейского мифа. Судьба древних цивилизаций – Атлантиды и Гипербореи – занимала многих писателей и поэтов [14]. А сам Н. Гумилёв в своих африканских путешествиях мечтал найти следы колоний древних атлантов.

Осведомленность Н. Клюева о тайнах прошлого основывалась не столько на новомодных эзотерических учениях, среди которых лидировали теософия и антропософия, сколько на старообрядческой книжной мудрости: в «Погорельщине» даже ручной медведь у него появляется с книгой: «Медведь матерый, на шее гривна, / В зубах же книга, злата и дивна» [5. С. 671]. Упоминает он и о «Голубиной книге»: «Творец в Голубиную книгу / Запишет: бысть воды и мрак» [Там же. С. 335]. Одним из источников тайного знания для Н. Клюева был опыт хлыстовского мистицизма, воспринятый им в юности от христовых братьев-голубей. Основная доктрина этой секты о реинкарнации, многократном воплощении и аватарах божества сближала хлыстовство с индуизмом. На этот факт еще в XIX в. указал знаток сектанства Н.И. Барсов: «И вообще учение хлыстов об их христах на христианской почве не находит ничего себе родственного или аналогического. Между христианскими сектами не было и нет ничего подобного... Единственное учение, которое представляет черты сходства с хлыстовским мифом об их христах, – это индийское учение о многократных воплощениях Вишну» [15]. Н. Рерих обратил

внимание на преемственность древнерусских традиций от Индии, когда посетил в Париже выставку В.В. Голубева, совершившего в 1910 г. археологическую экспедицию в Индию и на Цейлон. Мысль о близости Индии и Руси отражена на страницах его дневника [16], где он с изумлением указывает на искаженный санскрит песнопений русских сектантов. Индологу Н.Р. Гусевой удалось расшифровать таинственные псалмы хлыстов, оказавшиеся «гимном индусскому богу Вишну» [17. С. 68]. Еще одно открытие подобного рода принадлежит Е.С. Лазареву [18], который обнаружил текст ведических гимнов на двух иконах северо-русских монастырей. Можно ли данные артефакты считать результатом кросскультурных отношений с индийским миром или это наследие глубочайшей древности? Религиовед А.В. Кондратьев высказал предположение, что «хлыстовство, имевшее явные элементы иранской (дуализм и т.д.), равно как и индийской (вегетарианство, гимны Вишну и т.д.) традиций, наследует одновременно им обеим, т.е. в каком-то смысле восстанавливает на Руси то единство индоевропейской религии, которое, по подсчетам ученых, было утрачено в середине II тысячелетия до н.э.» [19]. Возможно, что и приведенные выше факты характеризуют единство происхождения индоевропейской общности, еще не распавшейся на разные племена и народы.

Тема «Белой Индии» занимает у Н. Клюева значительное место, для него «речь идет о магической стране истока, священной прародине человечества» [20]. И дороги, «тайные, незримые для гордых взоров вехи, ведущие Россию – в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немыслимого духовного могущества и духовной культуры» [6. С. 147], видятся поэту пролегающими через заклиательные образа икон, выводящие молящегося в надмирный космос, где он способен ощутить всеединство человечества. Следует обратить внимание на цветовую символику: Индия у Клюева белая. Белый цвет содержит в себе все цвета, это высшая степень универсальности и гармонии. Поэма была написана в переломный период 1916–1918 гг., когда произошла революция и будущее воспринималось в радужных тонах мировой гармонии. Клюев создает утопию о жизни села в таинственном Нигде, вне пространства и времени. Крестьянский обиход в Предвечности соразмерен ритму Вселенной. «Сократ и Будда, Зороастр и Толстой» незримо присутствуют в раздумьях о мирской душе. Поэт готов стать тем первочеловеком-Пурушей, из жертвенной плоти которого будет создана новая Вселенная:

«В живом чернолесьи костер разложить  
И дикое сердце, как угря, варить,  
Плясать на углях, и себя по кускам  
Зарыть под золою в поминок векам» [5. С. 308].

Антропоморфные аналогии сопровождаются отождествлением с Христом, по хлыстовской традиции каждый раз заново рождающимся. Зубы становятся горами, язык превращается в сад, а железы трансформируются в холмы.

Деревня в потемках подобна бороде, а ночью – «Преддверию уст». «Вселенский рычаг» сдвинет многовековой уклад деревенской избы и откроется путь к желанному счастью:

«На дне всех миров, океанов и гор  
Цветет, как душа, адамантовый бор, –  
Дорога к нему с Соловков на Тибет» [Там же. С. 309].

Волшебный клубок поведет путника «чрез сердце избы» в невозвратное прошлое, в Золотую Орду, в начало ветхозаветной истории, но истинное царство – Время – «Столетия мерит хрустальным сверчком». И в этом царстве Вечности первым должен быть поэт, подобно упомянутому библейскому Салу, возглавившему список царей Израиля.

Образ Индии у Клюева органично вписывается в его мифопоэтическую утопию. Самые обычные предметы крестьянского быта таят в себе память тысячелетий. Тулуп из чулана готов сообщить, что его подкладка помнит «Желтый Кашмир и Тибет», а горшок на печи – «Плеск звездотечного Нила». «Индию в красном углу» [5. С. 310–311] обретает обитатель поморской избы, свершая мистерию причащения вселенским тайнам: «То Индия наша, таинственный ужин, / Звонящий потирами в красном углу» [Там же. С. 311]. Там же, в красном углу избы хранится другой раритет – «мужицкие Веда» [Там же. С. 312], в которых тяжкий крестьянский труд сопряжен с верой предков в единство человека и мира, и простое действие семьянина, наделяющего своих домочадцев хлебом, становится евхаристией космического масштаба. Поэт в тишине таинственной поморской деревни слагает стихи «об Индии в русской светелке» [Там же. С. 315]. А где-то во Вселенной «араб в шатре чернотканном, / Русских звезд познав глубину, / Славит думой, говором гортанным / Пестрядную, светлую страну» [7. С. 314]. Память о «Белой Индии» дорога не только арабу, к совместной жатве готовы «желтый Китай и Россия». Поэт отмечает «кровное в пагоде, в срубе» [5. С. 318]: традиция помещать голову дракона на концах ската крыши сближает северные окраины Руси с Поднебесной. Култ ящера-дракона, хозяина подземно-подводного мира, отвечавшего за плодородие и хороший улов, просуществовал на Руси довольно долго. Стилизованные драконы украшали наличники окон, служили оберегом в виде височных колец и фибул. Академик Б.А. Рыбаков отмечал, что «в русском и белорусском фольклоре ящер... дожил до XIX в.» [21]. Но не только култ дракона сближает пагоду с архитектурой русского Севера. Гораздо очевиднее – многоярусность ступенчатых пирамидальных конструкций. Деревянная архитектура русского Севера уходит своими корнями в глубокую древность. В.В. Суслов, первый исследователь древнерусского зодчества, отмечал, что деревянные церкви существовали на Руси еще до принятия христианства [22. С. 48].

В поэме «Песнь о Великой матери» село начинает строиться с Покровской церкви. Мужики во главе с мастером Акимом Зяблецовым, прежде чем начать рубить лес, молятся, затем сплавляют лес по реке, и там, где бревна пристанут, – быть селу. Воздвигали деревянные храмы местные мастера, причем большую церковь они могли срубить и нарядить в один день:

«Церковное место на диво красно:

На утро – алтарь, а на полдень – окно,

На запад врата, чтобы люди из мглы,

Испив купины, уходили светлы» [5. С. 706].

Архитектора В.В. Суслова Н. Клюев упоминает в стихотворении 1932 г. «Мне революция не мать», соединяя его имя с Сезанном, родоначальником живописи форм в европейском искусстве:

«Вот почему Сезанн и Суслов,

С индийской вязью теремов,

Единорогом роют русло

Средь брынских гатей и лесов» [5. С. 577].

«Индийская вязь теремов» – не случайная строка в поэме. Сложная орнаментальная резьба встречалась по всему северному краю, ею украшали не только языческие храмы, но и деревенские избы и всевозможные предметы бытового обихода. Орнамент символизировал представление человека о мире. Позднее эти орнаменты, как и многие архитектурные формы (шатровые, многоглавые храмы, кокошники, бочки) перекочевали в каменное строительство. Резной фасад Дмитриевского собора во Владимире – яркий пример влияния деревянного зодчества на убранство возведенных из камня христианских культовых сооружений последующего периода. И только совсем недавно были выявлены родственные связи русской храмовой архитектуры с индоиранской и даже тибетской (а значит, и китайской!). Исследователи А.В. Рачинский и А.Е. Фёдоров [23] взяв архитектурную форму в качестве одной из констант культуры, которая не изменяется при переходе на новые строительные технологии и материалы и сохраняет устойчивость даже в случае смены религии или языка, пришли к выводу, что русские храмы семантически гораздо ближе индоиранской традиции, чем византийской. Они также установили фонетическое и семантическое совпадение или сближение строительных терминов и названий инструментов в русском языке и санскрите. Н. Клюев, подмечая сходство «Индии-Руси» с разными восточными культурами, отдает явное предпочтение Востоку перед Западом: «Сгинь Запад – Змея и Блудница, / – Наш суженый – отрок Восток!» [5. С. 318]. И близость эту он видит в единстве корней: «Вон ком земли, седой и древний, / Читает вести про Китай» [Там же. С. 583]. В своем предпочтении Китая Европе Клюев был близок основоположнику русского космизма Н.Ф. Фёдорову, который полагал, что России легче найти общий язык с народом-земледельцем, почитающим своих предков, чем с меркантильным и прагматичным Западом. Н. Клюев был знаком с философией общего дела Н. Фёдорова, о чем свидетельствуют не только воспоминания современников, но и его стихи. Поэт разделял идеи Н. Фёдорова о будущем Земли и населяющих ее народов, которые сумеют преодолеть условия «небратского состояния» во имя единства человечества. Конечно, это произойдет не раньше, чем «Воскреснут все, кто погибли» [Там же. С. 373] и «Выйдут деды из могил» [Там же. С. 292]. На *«интимную космичность»* поэзии Н. Клюева, чувство неразрывной связи судеб человека, всей твари и Вселенной в общем чаянии их преображения» [24. С. 81] обратила внимание С.Г. Семёнова, выявившая духовную близость поэта идеям Н. Фёдорова. Сближает Н. Клюева с основоположником русского космизма и осознание стратегической роли Севера в судьбах России и мира. Н. Фёдоров предлагал перенести столицу России за полярный круг в район омываемого Гольфстримом Рыбачьего полуострова и создать социальный полюс мира, который, во-первых, объединит «в общем всех деле управления слепыми силами природы», а во-вторых, станет альтернативой нового транспортного пути, «от коего зависит спасение Земли» [25. С. 383–385]. В свою очередь, Н. Клюев в стихотворении «Я потомок лапландского князя» (1917) вполне определенно высказывает идею о Северной цивилизации, давшей начала культуры другим народам:

«Уплывем же, собратья, к Поволжью,

В папирусно-тигриный Памир!

Калевала сродни желтокожью,  
В чьем венце ледовитый сапфир.

В русском коробе, в эллинской вазе  
Брежгут сполохи, полюсный щит,  
И сапфир самоедского князя  
На халдейском тюрбане горит» [5. С. 378].

Образ «Индии-Руси» приобретает у Н. Клюева масштабы общепланетарного универса. Он знает, что «Все племена в едином слиты: Алжир, оранжевый Бомбей» [Там же. С. 391], и когда-нибудь «Китай и Европа, и Север, и Юг / Сойдутся в чертог хороводом подруг» [Там же. С. 364]. «На Таити брякнет подойник, / Ольховый, с олонечкой резьбою» [Там же. С. 366], а «Бедуинам и желтым корейцам / Не будет запретным наш храм...» [Там же. С. 379]. Картины, возникающие в воображении поэта, представляют будущее, когда объединенное человечество научится использовать военное дело исключительно в целях регулирования сил природы и «От Великого Сфинкса к тундре» [Там же. С. 406] направит волну лучей, и тогда: «В персидско-тундровом зное» [Там же. С. 373] будут выращивать арбузы, на лугах в Заонежье будут пастить «стада носорогов» и «с нумидийским тигром козы» [Там же. С. 421], в ярославском хлеву – содержаться бизоны, а «От Печоры слоновье стадо» [Там же. С. 406] потянется на водопой. «Над избой взрастут баобабы, / Приютит хлевушка тигрят» [Там же. С. 461], «И раджа на слоне священном / Посетит зырянский овин» [Там же. С. 424]. Поэт создает идиллическую картину Нового Эдема, где хищные звери ведут себя, как ягнята. В мифопоэтической утопии Н. Клюева вся планета представляет собой единое целое, и география носит условный характер, так же как и такие понятия, как нация и государство. Соборность – единение в духе, братстве и любви – должна стать нормой жизни всего человечества.

В томской ссылке наблюдательный глаз поэта обращает внимание на этнографические детали, подчеркивающие близкие контакты местного населения с Востоком: «огромные китайские самовары», китайский бело-синий фарфор, вывозимый из Поднебесной через портовый город Тяньцзинь. Его удивляют женские украшения: «Остячки по юртам носят на шее бисерный панцырь, с огромным аквамарином посредине; прямо какая-то Бирма!» [6. С. 375]. Арктическая прародина человечества напоминает о себе неожиданными находками: «в подмытых половодьями береговых слоях реки Томи то и дело натыкаешься на кусочки и черепки не то Сиамы, не то Индии» [Там же. С. 374]. Он сообщает своим знакомым из Томска о чтении берестяной книги под названием «Перстень Иафета», в которой рассказывается о Руси XII в. и упоминается о Гиперборее: «...теперешние черемисы вывезены из Гипербореев, т.е. из Исландии, царем Олафом Норвежским, зятем Владимира Мономаха. Им было жарко в Киевской земле, и они отпущены были в Колывань – теперешние вятские края, а сначала содержались при киевском дворе, как экзотика» [Там же. С. 381]. Берестяную книгу Н. Клюев мог получить от старообрядцев [26], проживавших в скитах Томской области в районе реки Кети, но где сейчас находится упомянутый ссыльным поэтом манускрипт, история умалчивает. По мнению известного исследователя творчества Н. Клюева В.А. Доманского, который обнаружил запись про «сына Афетова

от Мосоха» в хронографе 1679 г., «миф о стране Гипербореев и потомках Иафета (Яфета) о Руси изначальной» [27. С. 29] еще требует своего прочтения.

Действительно, творчество Н. Клюева полно загадок. Каждый его образ ассоциативен и не может быть прочтен однозначно. Мысль Н. Клюева о единстве человечества актуальна и в наше время. Русская литература на рубеже XIX–XX вв., восприняв идеи философии всеединства и космизма, заявила о необходимости мирного сосуществования разных культурно-исторических общностей во имя сохранения и развития всего человечества.

### Литература

1. *Серяков М.Л.* «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М. : Вече, 2012. 448 с.
2. *Кондаков И.В.* «Страшный праздник» русской культуры: памяти Серебряного века // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 142–166.
3. *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству // *Сочинения* : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 829 с.
4. *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Наука, 2000. Т. 1. 396 с.
5. *Клюев Н.А.* Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб. : РХГИ, 1999. 1072 с.
6. *Клюев Н.А.* Словесное дерево. Проза. СПб. : Росток, 2003. 688 с.
7. *Иванов-Разумник В.* Писательские судьбы. URL: [http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik\\_r\\_w/text\\_0410.shtml](http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0410.shtml) (дата обращения: 15.05.2019).
8. *Словарь* областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Г. Куликовский. СПб. : Издание Отд. рус. языка и словесности Императорской Акад. наук, 1898. 150 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/365985>. (дата обращения: 25.04.2019).
9. *Bailly J.S.* Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie : Pour servir de suite aux Lettres sur l'origine des sciences, adressées à M. de Voltaire par M. Bailly. Londres; Elmsly ; Paris : Debure, 1779. 443 с.
10. *Фабр д'Оливе А.* Философическая история Человеческого рода или Человека. СПб. : Алетейя, 2018. 432 с.
11. *Сент-Ив Д'Альвейдр А.* Миссия Индии в Европе; Миссия Европы в Азии. Петроград : Новый человек, 1915. 157 с.
12. *Уоррен У.Ф.* Найденный рай на Северном полюсе. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. 480 с.
13. *Тилак Б.Г.* Арктическая родина в Ведах. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. 525 с.
14. *Рычков А.Л.* Миф об Атлантиде западного эзотеризма в «Атлантической мифологеме» русских символистов // *Изучение эзотеризма в России. Актуальные проблемы : материалы секции «Академическое изучение эзотеризма» Третьего конгресса рос. исследователей религии (Владимирский гос. ун-т, 8 октября 2016 г. М. : Эдитус, 2017. С. 77–112. URL: [http://www.v-ivanov.it/files/4/4\\_atlantida.Rych.pdf](http://www.v-ivanov.it/files/4/4_atlantida.Rych.pdf) (дата обращения: 12.05.2019).*
15. *Барсов Н.* Русский простонародный мистицизм : сообщение, читанное в этнографическом отделении императорского Русского географического общества 13 мая 1869 г. СПб. : напечатано в тип. департамента уделов. URL: [http://yakov.works/libr\\_min/02\\_b/ar/sov\\_1869.htm](http://yakov.works/libr_min/02_b/ar/sov_1869.htm) (дата обращения: 5.06.2019).
16. *Рерих Н.* Русь – Индия. URL: <http://n-k-roerich.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st094.shtml> (дата обращения: 20.06.2019).
17. *Гусева Н.Р.* «Индийская песня» хлыстов // *Родина*. 1997. № 11. С. 67–69.
18. *Лазарев Е.С.* К вопросу о знаковых системах русского гнозиса // *Россия и гнозис : материалы конф. ВГБИЛ 22–23 марта 2000 г. М. : Рудомино, 2001. С. 62–80.*
19. *Кондратьев А.В.* Психотехники русских мистических сект. М. : Белые альвы, 2015. 124 с. URL: <https://www.rulit.me/books/psihotehniki-i-kult-russkih-misticheskikh-sekt-read-390414-1.html> (дата обращения: 05.07.2019).
20. *Дугин А.* Параллельная родина. URL: <http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/kritika/dugin-parallel-na-ya-rodina.htm> (дата обращения: 18.06.2019).
21. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М. : Наука, 1987. 783 с. URL: [http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/knigi\\_o\\_drakonakh/b\\_a\\_rybakov\\_yazychestvo\\_drevney\\_rusi.php](http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/knigi_o_drakonakh/b_a_rybakov_yazychestvo_drevney_rusi.php) (дата обращения: 15.07.2019).



22. Сулов В.В. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб. : тип. А.Ф. Маркса, 1889. 124 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/436139> (дата обращения: 06.08.2019).
23. Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. М. : Вече, 2016. 624 с.
24. Семёнова С.Г. Поэт «поддонной» России (религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) // Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов: поэтика, видение мира, философия. М. : Наследие, 2001. 588 с.
25. Фёдоров Н. О полярной столице // Собрание сочинений : в 4 т. М., 1997. Т. 3. 742 с.
26. Есипова В.А. Рукописи на бересте из заимочной коллекции: предварительные итоги палеографического анализа // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (13). С. 54–60.
27. Доманский В.А. Мифологемы сибирских писем Н. Клюева // Николай Клюев и концептосфера русской культуры : науч. сб. СПб. : О-во русской традиционной культуры, 2016. С. 22–32.

**Elena V. Shakhmatova**, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS) (Moscow, Russian Federation).

E-mail: [Elena.Shahmatova@gmail.com](mailto:Elena.Shahmatova@gmail.com)

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 138–148.*

DOI: 10.17223/1998863X/55/15

# **NIKOLAI KLYUEV'S "INDIA-RUSSIA" AS A SYMBOL OF THE TOTAL UNITY OF THE WORLD**

**Keywords:** total unity; Russian cosmism; myth-making; Arctic hypothesis.

Nikolai Klyuev, a native of the Old Believers of the Russian North, brought a deep understanding of the folk tradition to poetry. The North became a refuge for Schismatics who fled from the church reforms of the 17th century. They continued the tradition of the manuscript book and retained ancient knowledge about the structure of the universe. Such an artifact as *The Pigeon's Book*, according to the historian M.L. Seryakov, is older than the Rigveda. The Russian culture of the Silver Age discovered its antiquity in India resurrecting the legend of Hyperborea. The topic of India entered Klyuev's life early, thanks to his mother. In his autobiographies, he claimed close acquaintance with the world of the East and Belovodye. "White India" for Klyuev is the "sacred ancestral home of humankind", and the path from goes in different directions: to the Middle East, North Africa (Egypt), India, and even to China. In the eighteenth century, the French astronomer Jean-Sylvain Baillie formulated the Arctic hypothesis of the origin of humankind. In the nineteenth and twentieth centuries, Fabre d'Olivet, A. Saint-Yves d'Alveidre, W.F. Warren, and B.G. Tilak developed this hypothesis. In 1912, Klyuev became close to the Workshop of Poets (Nikolai Gumilyov was one of its founders) and collaborated with the Acmeist magazine *Giperborey*. Klyuev's awareness of the secrets of the past was based on the Old Believer book wisdom rather than on new-fashioned esoteric teachings. One of the sources of secret knowledge for Klyuev was the experience of Khlyst mysticism. N.I. Barsov, N.K. Roerich, N.R. Guseva, E.S. Lazarev, A.V. Kondratiev indicated the proximity of the Khlyst teachings to Hinduism. The common roots of Russia and China are found in the dragon cult, which is confirmed by Academician B.A. Rybakov; and A.V. Rachinsky and A.E. Fedorov point to the semantic proximity of Russian temples and the Indo-Iranian tradition of architecture. In his preference of the East to the West, Klyuev was close to N.F. Fedorov, the founder of Russian cosmism. The poet shared Fedorov's ideas about the future of the Earth and the peoples inhabiting it, who will be able to overcome the conditions of a "non-brotherly state" in the name of the unity of humankind. Klyuev's image of "India-Rus" is of a universal scale. Klyuev's idea about the unity of humankind is relevant today. To the turn of the twentieth century, accepting the ideas of the philosophy of all-unity and cosmism, Russian literature declared the need for the peaceful coexistence of various cultural and historical communities in the name of the preservation and development of all humankind.

## **References**

1. Seryakov, M.L. (2012) "*Golubinaya kniga*" – *svyashchennoe skazanie russkogo naroda* [The Pigeon Book as a sacred legend of the Russian people]. Moscow: Vechе.
2. Kondakov, I.V. (2014) "Strashnyy prazdnik" russkoy kul'tury: pamyati Serebryanogo veka ["A terrible holiday" of Russian culture: in the memory of the Silver Age]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* – *Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp.142–166.

3. Nietzsche, F. (1996) *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
4. Soloviev, V.S. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 20-ti tt.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
5. Klyuev, N.A. (1999) *Serdtshe edinoroga. Stikhotvoreniya i poemy* [The heart of a unicorn. Poems]. St. Petersburg: RKhGI, 1999. 1072 s.
6. Klyuev, N.A. (2003) *Slovesnoe drevo. Proza* [Verbal Tree. Prose]. St. Petersburg: Rostok.
7. Ivanov-Razumnik, V. (n.d.) *Pisatel'skie sud'by* [Writers' Fates]. [Online] Available from: [http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik\\_r\\_w/text\\_0410.shtml](http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0410.shtml) (Accessed: 15th May 2019).
8. Kulikovskiy, G. (1898) *Slovar' oblasnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Olonets dialect in its domestic and ethnographic application]. St. Petersburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/365985>. (Accessed: 25th April 2019).
9. Bailly, J.S. (1779) *Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie: Pour servir de suite aux Lettres sur l'origine des sciences, adressées à M. de Voltaire par M. Bailly.* Londres; Elmsly; Paris: Debure.
10. Fabre d'Olivet, A. (2018) *Filosoficheskaya istoriya Chelovecheskogo roda ili Cheloveka* [The philosophical history of the Human race or Man]. St. Petersburg: Aletyya.
11. St. Yves D'Alveidre, J.A. (1915) *Missiya Indii v Evrope; Missiya Evropy v Azii* [India Mission to Europe; Europe mission in Asia]. Petrograd: Novyy chelovek.
12. Warren, W.F. (2003) *Naydenyy ray na Severnom polyuse* [A Found Paradise at the North Pole]. Translated from English. Moscow: FAIR-PRESS.
13. Tilak, B.G. (2001) *Arkticheskaya rodina v Vedakh* [The Arctic Homeland in the Vedas]. Moscow: FAIR-PRESS.
14. Rychkov, A.L. (2016) Mif ob Atlantide zapadnogo ezoterizma v «Atlanticheskoy mifologeme» russkikh simbolistov [The myth of Atlantis of Western esotericism in the “Atlantic mythology” of Russian symbolists]. In: Panin, S. (ed.) *Izucheniye ezoterizma v Rossii* [Russian Studies of Esotericism]. Moscow: Editus. pp. 77–112. [Online] Available from: [http://www.v-ivanov.it/files/4/4\\_atlantida.Rych..pdf](http://www.v-ivanov.it/files/4/4_atlantida.Rych..pdf) (Accessed: 12th May 2019).
15. Barsov, N. (1869) *Russkiy prostonarodnyy mistitsizm. Soobshchenie, chitannoe v etnograficheskoy otdelenii imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva 13 maya 1869 g.* [Russian common mysticism. The report in the ethnographic department of the Imperial Russian Geographical Society on May 13, 1869]. St. Petersburg: Tipografiya departamenta udelov. [Online] Available from: [http://yakov.works/lib\\_min/02\\_b/ar/sov\\_1869.htm](http://yakov.works/lib_min/02_b/ar/sov_1869.htm) (Accessed: 5th June 2019).
16. Roerich, N. (n.d.) *Rus' – Indiya* [Russia – India]. [Online] Available from: <http://n-koerich.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st094.shtml> (Accessed: 20th June 2019).
17. Guseva, N.R. (1997) “Indiiskaya pesnya” khlystov [“Indian song” of the whips]. *Rodina*. 11. pp. 67–69.
18. Lazarev, E.S. (2001) [On the sign systems of Russian gnosis]. *Rossiya i gnosis* [Russia and Gnosis]. Proc. of the Conference of the All-Russian State Library for General Migration. March 22–23, 2000. Moscow: Rudomino. (In Russian).
19. Kondratiev, A.V. (2015) *Psikhotekhniki russkikh misticheskikh sekt* [Psychotechniques of Russian mystical sects]. Moscow: Belye al'vy. [Online] Available from: <https://www.rulit.me/books/psihotehniki-i-kult-russkikh-misticheskikh-sekt-read-390414-1.html> (Accessed: 5th July 2019).
20. Dugin, A. (n.d.) *Parallelnaya rodina* [Parallel homeland]. [Online] Available from: <http://klyuev.lit-info.ru/klyuev/kritika/dugin-parallelnaya-rodina.htm> (Accessed: 18th June 2019).
21. Rybakov, B.A. (1987) *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of Old Rus]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: [http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/knigi\\_o\\_drakonakh/b\\_a\\_rybakov\\_yazychestvo\\_drevney\\_rusi.php](http://dragons-nest.ru/dragons/books-and-articles/knigi_o_drakonakh/b_a_rybakov_yazychestvo_drevney_rusi.php) (Accessed: 15th July 2019).
22. Suslov, V.V. (1889) *Ocherki po istorii drevnerusskogo zodchestva* [Essays on the history of Old Rus architecture]. St. Petersburg: A.F.Marks. [Online] Available from: <https://www.prlib.ru/item/436139> (Accessed: 6th August 2019).
23. Rachinsky, A.V. & Fedorov, A.E. (2016) *Slavyano-ariyskie istoki russkoy arkhitektury* [Slavic-Aryan sources of Russian architecture]. Moscow: Veche.
24. Semenova, S.G. (2001) *Russkaya poeziya i proza 1920 – 1930-kh godov: poetika, videnie mira, filosofiya* [Russian poetry and prose of the 1920s – 1930s: poetics, vision of the world, philosophy]. Moscow: Nasledie.
25. Fedorov, N. (1997) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected Works in four volumes]. Vol. 3. Moscow: Traditsiya.

26. Esipova, V.A. (2012) Birch-bark manuscripts of Zaimochnaya collection: preliminary results of paleographical analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(18). pp. 54–60. (In Russian).

27. Domansky, V.A. (2016) Mifologemy sibirskikh pisem N. Klyueva [Mythologies of N. Klyuev's Siberian letters]. In: Domansky, V.A. (ed.) *Nikolay Klyuev i kontsep-tosfera russkoy kul'tury* [Nikolay Klyuyev and the conceptual sphere of Russian culture]. St. Petersburg: Ob-vo russkoy traditsionnoy kul'tu-ry. pp. 22–32.